ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ
ЛИТЕРАТУРА. 2026–2027 уч. г.
МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП. 10 КЛАСС
ЗАДАНИЯ

Задание 1 ТВОРЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ. РАБОТА НАД ФОРМАМИ КОМИЧЕСКОГО

Комическое – одна из самых важных и сложных эстетических категорий в литературе. В основе комического лежит смеховое начало, которое связано с осознанием читателем несоответствия общепринятым нормам ситуации или персонажа. Предметом осмеяния может быть любой объект действительности, а формы комического бывают разные: юмор (смешное ради смешного), сатира (высмеивание тех или иных недостатков людей или общества), ирония (скрытая насмешка над кем-то или чем-то, понятная не всем), сарказм (насмешка, носящая уничижительный характер и понятная всем). Перед вами отрывок из классического произведения.

1.1

Старцеву представили Екатерину Ивановну, восемнадцатилетнюю девушку, очень похожую на мать, такую же худощавую и миловидную. Выражение у неё было ещё детское и талия тонкая, нежная; и девственная, уже развитая грудь, красивая, здоровая, говорила о весне, настоящей весне. Потом пили чай с вареньем, с мёдом, с конфетами и с очень вкусными печеньями, которые таяли во рту. С наступлением вечера мало-помалу сходились гости, и к каждому из них Иван Петрович обращал свои смеющиеся глаза и говорил:

– Здравствуйте пожалуйста.

Потом все сидели в гостиной, с очень серьёзными лицами, и Вера Иосифовна читала свой роман. Она начала так: «Мороз крепчал...» Окна были отворены настежь, слышно было, как на кухне стучали ножами, и доносился запах жареного лука... В мягких, глубоких креслах было покойно, огни мигали так ласково в сумерках гостиной; и теперь, в летний вечер, когда долетали с улицы голоса, смех и потягивало со двора сиренью, трудно было понять, как это крепчал мороз и как заходившее солнце освещало своими холодными лучами снежную равнину и путника, одиноко шедшего по дороге; Вера Иосифовна читала о том, как молодая, красивая графиня устраивала у себя в деревне школы, больницы, библиотеки и как она полюбила странствующего художника, – читала о том, чего никогда не бывает в жизни, и всё-таки слушать было приятно, удобно, и в голову шли всё такие хорошие, покойные мысли, – не хотелось вставать.

– Недурственно... – тихо проговорил Иван Петрович.

А один из гостей, слушая и уносясь мыслями куда-то очень, очень далеко, сказал едва слышно:

– Да... действительно...

1. **Укажите название текста, из которого взят отрывок.**
2. **Укажите автора текста.**

1.2

Литературный журнал, недоброжелательно относящийся к автору, поручил вам написать текст, в котором должно быть высмеяно произведение, приведённое выше. Предметом осмеяния могут стать на ваш выбор один или несколько персонажей, проблематика, идея, сюжет, стилистика, композиция произведения. Ваш текст может иметь форму памфлета или пародии. Ваше сочинение не должно быть похоже на критическую статью. Объём текста не менее **350** слов. Работа объёмом менее **95** слов будет автоматически оценена в **0** баллов.

Озаглавьте ваш текст (заглавие должно содержать прямую отсылку к оригинальному произведению). Дайте подзаголовок, указав, к какой форме комического вы прибегаете (юмор, сатира, ирония, сарказм), и определив жанр (пародия, памфлет). Например: саркастический памфлет или юмористическая пародия.

Задание 2 ЦЕЛОСТНЫЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА

Выберите для аналитической работы ИЛИ прозаический, ИЛИ стихотворный текст. Пишите связно, свободно, понятно, доказательно и грамотно. Рекомендуемый объём – **350–400** слов. Работа объёмом менее **145** слов будет автоматически оценена в **0** баллов.

ВАРИАНТ I

Михаил Андреевич Осоргин (1878-1942)

Пенсне

Что вещи живут своей особой жизнью – кто же сомневается? Часы шагают, хворают, кашляют, печка мыслит, запечатанное письмо подмигивает и рисуется, раздвинутые ножницы кричат, кресло сидит, с точностью копируя старого толстого дядю, книги дышат, ораторствуют, перекликаются на полках. Шляпа, висящая на гвозде, непременно передразнивает своего владельца, – но лицо у неё своё, забулдыжно-актерское. У висящего пальто всегда жалкая душонка и лёгкая нетрезвость. Что-то паразитическое чувствуется в кольце и особенно в серьгах, – и к ним с заметным презрением относятся вещи-труженики:

демократический стакан, реакционная стеариновая свечка, интеллигент-термометр, неудачник из мещан – носовой платок, вечно юная и суетливая сплетница – почтовая марка.

Отрицать, что чайник, этот добродушный комик, – живое существо, может только совершенно нечуткий человек; именно чайник, так как кофейник, например, живёт жизнью менее индивидуальной и заметной.

Но особенно меня всегда занимала одна любопытная чёрточка в жизни вещей – не всех, а некоторых. Это – страсть к путешествиям. Таковы: коробка спичек, карандаш, мундштук, гребёнка, шейная запонка, ещё некоторые. Много лет внимательно и любовно изучая их жизнь, я сначала предположил, а впоследствии убедился, это эти вещи время от времени уходят гулять – на минуту, на час, иногда на очень долгий срок. Есть случаи исторические (семисвечник, голубой бриллиант, исторический труд Тита Ливия и пр.), но в таких исчезновениях отчасти замешана человеческая воля, случай, злой умысел; на примере мелких вещиц легче установить полнейшую самостоятельность поступков.

Обычно такие исчезновения мы объясняем то своей рассеянностью, то чужой неаккуратностью, а нередко и кражей. Раньше я и сам так думал, и, не приди мне в голову понаблюдать жизнь вещей без предвзятого представления об их пассивности и «неодушевлённости», – я бы и посейчас думал так элементарно.

Все читающие в постели знают, с какой настойчивостью «теряется» в складках одеяла карандаш, разрезной ножик, коробка спичек. Привычным жестом вы кладёте на одеяло карандаш. Через минуту – карандаша нет. Вы шарите, ищите, злитесь: нет и нет. Откидываете простыни, смотрите под подушкой, на коврике, на столике: нет нигде. Ворча встаёте, лезете в туфли, заглядываете под постель, находите там спички, запонку, открытое письмо – но карандаша нет. Ёжась от холода, вы плетётесь к столу, берёте другой карандаш (обычно он оказывается неочинённым), чините его, возвращаетесь. Подоткнув под себя

одеяло, чтобы согреться, вы наконец берёте книжку, отложенную потому, что нечем было отчеркнуть нужное место. Раскрываете книжку – карандаш в ней.

Ясно, что сам попасть он в неё не мог, – но не менее ясно, что вы его туда не положили, не могли положить.

Обычно мимо таких фактов проходят, не придавая им значения. Напрасно! Вглядывайтесь внимательнее, и вам откроется целый новый мир вещей, живущих параллельно той жизни, которую мы для них выдумали.

Я помню поразительный случай с моим пенсне: простое пенсне, без оправы – два стекла и легкая дужка.

Сидя в кресле у стены, я читал; на новой главе хотел протереть стёкла, вынул платок, и вдруг – пенсне исчезло. Опытный в этих делах, я обыскал не только все карманы, складки одежды, щели в кресле, маленький столик рядом, листы книжки – всё решительно. Пенсне не было нигде; не быть и раньше не могло, так как я очень дальнозорок и мелкой печати без стёкол не разбираю.

Не подумайте, что пенсне моё оказалось на носу; в таких случаях я прежде всего ощупываю переносицу; на ней были две свежие ямки — и ничего больше. Я отодвинул кресло, осмотрел на нём все кисточки и пуговки, о которых Козьма Прутков сказал, что они выдуманы самым глупым на свете человеком, – и всё бесплодно.

Это было настолько чудовищно и нелепо, что я разделся, встряхнул одежду, сам подмёл паркет от стены до самой середины комнаты. Усомнившись в себе, я обыскал письменный стол в соседней комнате, заглянул на вешалку, стыдливо пробежал глазом по ванной – всё было напрасно.

Тогда я вспомнил, что ясно слышал звук падения пенсне; я ещё порадовался, что – судя по звуку – оно не разбилось. И вот я снова ползаю по полу, смотрю сбоку, смотрю снизу, смотрю сверху, топаю ногами – чтобы хоть раздавить его, проклятое, и наконец успокаиваюсь. Ни-ка-ких!

Так и исчезло – как провалилось. Но в паркете не было ни единой щёлочки.

Прошла неделя или больше. Про этот случай я не забыл и много раз о нём рассказывал, показывая и место происшествия. Как обычно, скептики смеялись, практики перещупывали кресло и осматривали пол, прислуга перетёрла тряпочкой все предметы, вымела все пылинки и даже вымыла чёрную лестницу (до следующего этажа). Вся квартира обновилась, посвежела – но пенсне не было.

Один мой знакомый, заинтересовавшись случаем, хотел дойти до разгадки индуктивным способом. Он записал номер пенсне, начертил план комнаты, отметив расставленную мебель, спросил, нет ли у меня в квартире обезьяны, кошки или сороки, где я провёл вечер накануне, – и целый день мыслил, пользуясь главным образом, методом исключения. К вечеру, недоверчиво и недружелюбно подав мне руку, он ушёл. Жена его рассказывала потом, что он стонал всю ночь. Раньше это был спокойный человек, умеренных политических убеждений, знаток испанской литературы.

И вот сидел я однажды в том же кресле у той же стены, лишь с другой книжкой, по обыкновению отчёркивая карандашом наиболее умные и наиболее глупые места. На носу у меня было уже другое пенсне, новенькое, тугое, раздражающее. И вдруг – раз! – и падает карандаш. Перепуганный (не шутя! тут любопытнейшее психическое переживание!), я бросаюсь вдогонку. Мне почему-то представилось, что и карандаш должен бесследно исчезнуть. Но он лежал спокойно у стены, и… рядом с ним, смирненько, плотно прижавшись стоймя к стене, блеснули два стекла с тоненькой дужкой.

Вы можете, конечно, смеяться и утверждать, что я слеп (это неправда! я дальнозорок, но вижу отлично), что слепы все мои знакомые, слепа прислуга, ежедневно подметавшая каждый вершок пола, что это просто курьёзный случай и прочее. Реалистически мыслящий человек имеет на всё готовый ответ. Но нужно было видеть физиономию моего пенсне, вернувшегося из дальней прогулки, чтобы понять, что это – не случай и не недоглядка.

Ещё поблёскивая мутными, запылёнными стёклами, жалкое, виноватое, словно вдавленное в стенку, оно являло картину такого рабского смирения, такой трусости, точно не оно – наездник моего носа, точно не я без него, а оно без меня не может существовать.

Где оно шлялось? Что оно перевидало (конечно, в преувеличенном виде!)? И чем объяснить такую странную привязанность вещей к человеку, заставляющую их возвращаться, хотя бы им удалось так ловко обмануть его бдительность?

На все эти вопросы ответить трудно. Но что пенсне моё гуляло, и гуляло долго, до изнеможения, до пресыщения и страшной душевной усталости, – в этом я, свидетель его возвращения, сомневаться не могу.

Я сильно наказал гуляку. Я заставил его простоять у стены ещё несколько часов, показал его прислуге, знакомым, от которых, впрочем, не услыхал ничего, кроме плоских рационалистических рассуждений о том, как оно «странно упало». Действительно, странно! Почему-то с людьми этого никогда не случается!

Мой знакомый, знаток испанской литературы, несколько позже довёл до моего сведения, что в цепи его логических рассуждений была допущена ошибка: он искал пенсне, как предмет плоский (?!), лишь в двух измерениях, между тем как оказалось оно именно в третьем. По-моему, это – чепуха.

Между прочим, кончило это пенсне трагически. В тот же вечер, сняв с верхней полки пыльную папку рукописей, я чихнул; пенсне упало плашмя на пол и разбилось в мельчайшие осколки.

Пусть это будет случайностью – мне так легче думать. Я был глубоко огорчён, если бы были объективные данные считать этот «случай» самоубийством. И что могло побудить эту в сущности своей кристальную душу на роковой шаг? Прогулка по свету? Преувеличенный на одну диоптрию взгляд на мир? Или тот публичный позор, которым я обставил возвращение моих загулявших стёклышек?

Мне жаль бедняжку! Мы долго жили дружно и вместе прочли много добрых и глупых книг, в которых людям приписываются и страсти, и разум, и сознательность поступков, а вещам отказывается в праве на малейшее волеизъявление, на мельчайшее проявление индивидуальности.

1929

ВАРИАНТ II

Николай Алексеевич Заболоцкий (1903–1958)

Гроза идёт

Движется нахмуренная туча,
Обложив полнеба вдалеке,
Движется, огромна и тягуча,
С фонарём в приподнятой руке.

Сколько раз она меня ловила,
Сколько раз, сверкая серебром,
Сломанными молниями била,
Каменный выкатывала гром!

Сколько раз, её увидев в поле,
Замедлял я робкие шаги
И стоял, сливаясь поневоле
С белым блеском вольтовой дуги!

Вот он – кедр у нашего балкона.
Надвое громами расщеплён,
Он стоит, и мёртвая корона
Подпирает тёмный небосклон.

Сквозь живое сердце древесины
Пролегает рана от огня,
Иглы почерневшие с вершины
Осыпают звёздами меня.

Пой мне песню, дерево печали!
Я, как ты, ворвался в высоту,
Но меня лишь молнии встречали
И огнём сжигали на лету.

Почему же, надвое расколот,
Я, как ты, не умер у крыльца,
И в душе всё тот же лютый голод,
И любовь, и песни до конца!

1957

Литература

10 класс · ВсОШ 2026-2027
Муниципальный этап в Москве

Авторские решения и примеры ответов

Муниципальный этап ВсОШ по литературе 2026-2027 учебного года в Москве - 10 класс. Ниже доступны задания в PDF и авторские примеры выполнения творческой и аналитической частей.

Статус разбора: это самостоятельно подготовленные учебные материалы, а не официальный ответ или критерии жюри. В заданиях на интерпретацию допустимы другие доказательные решения; творческие тексты приведены как примеры, а не для сдачи от своего имени.

Задание 1.1. Название произведения и автор

Произведение: «Ионыч». **Автор:** Антон Павлович Чехов.

Старцев знакомится с Екатериной Ивановной и слушает роман Веры Иосифовны в доме Туркиных.

Задание 1.2. Пример творческой работы

В задании требуется пародия или памфлет объёмом не менее 350 слов, с заглавием, отсылающим к исходному произведению, и подзаголовком, определяющим жанр и форму комического. Работа менее 95 слов получает 0 баллов; этот порог не заменяет требование основного объёма.

Ионыч: общество спасения талантов от работы

Сатирическая пародия

В городе С. решили учредить общество спасения талантов. Спасать предполагалось от труда, критики и прочих обстоятельств, способных неприятно потревожить дарование.

Председателем избрали Ивана Петровича Туркина, который умел произносить приветствие таким образом, что оно заменяло целую программу культурного развития. Секретарём назначили Веру Иосифовну: она написала столько романов, что могла переписывать протоколы без малейшей опасности приблизиться к действительности.

На первое заседание пригласили доктора Старцева. Он вошёл с намерением поговорить о больнице, но ему предложили варенье. После второй чашки чая больница показалась не столь настоятельным предметом.

Вера Иосифовна раскрыла рукопись. В романе стоял страшный мороз, хотя в гостиной от жары плавились конфеты. Путник замерзал на пустынной дороге и время от времени делал остановки, чтобы слушатели успевали взять печенье.

- Замечательно, - сказал один гость. - Особенно удобно, что страдает он, а сидим мы.

Старцев хотел заметить, что больного путника следовало бы отогреть. Но председатель объяснил: медицинское вмешательство уничтожит романтический сюжет.

Затем Екатерина Ивановна села за рояль. Музыка была такой могучей, что в соседнем доме упала картина, а аптекарь заранее приготовил успокоительные капли.

- Настоящее искусство требует жертв, - объявил Иван Петрович.

Жертвы согласились, поскольку спорить под такой аккомпанемент было невозможно.

Доктору предложили оценить музыкальное дарование. Он сосчитал пульс, но не понял, кому именно требуется помощь: исполнительнице, инструменту или присутствующим.

На следующем заседании обсуждали способы дальнейшего роста. Было решено ничего не менять. Роман читали с начала, пьесу играли громче, приветствие повторяли с прежним выражением. Возражения признали признаком недостаточного знакомства с традицией.

Прошло несколько лет. Общество добилось выдающихся результатов: ни один талант не был испорчен развитием. Все оставались столь же обещающими, как в день основания.

Старцев стал приезжать реже. Теперь он собирал деньги, и это занятие казалось ему понятнее литературы. Банкноты не требовали слушать романы и исправно подтверждали его успех.

Однажды Туркины спросили, почему он больше не спорит об искусстве.

- Практика, - ответил доктор.

Все решили, что он говорит о больных. Между тем он имел в виду ежедневную тренировку равнодушия.

В конце концов обществу понадобился памятник. На постамент поставили глубокое кресло, блюдечко варенья и закрытый рояль. Подпись гласила: «Здесь годами созревало будущее».

Старцев осмотрел сооружение и нашёл его вполне здоровым: оно никуда не стремилось, ничем не интересовалось и не нуждалось в лечении. Горожане были довольны. Наконец искусство стало совершенно удобным и перестало причинять кому-либо беспокойство.

Почему пример соответствует заданию

Повторяемость семейных номеров и постепенная потеря Старцевым интереса к жизни преобразованы в историю общества, охраняющего застой. Комическое преувеличение выявляет расхождение между самодовольным представлением о таланте и отсутствием развития.

Задание 2. Аналитическая работа

Рекомендуемый объём связного анализа - 350-400 слов. В оригинальной работе нужно выбрать один из двух текстов: прозу или стихотворение. Здесь разобраны оба варианта для подготовки. Порог автоматического обнуления - менее 145 слов.

Задание 2, вариант I. М. А. Осоргин «Пенсне»: пример целостного анализа

Рассказ Михаила Осоргина «Пенсне» превращает обыкновенную потерю вещи в размышление о границах привычного восприятия. Рассказчик утверждает, что предметы обладают характером и самостоятельной жизнью. Исчезновение пенсне становится для него доказательством этой идеи, хотя читателю оставлена возможность бытового объяснения.

Вступление представляет целую систему одушевлённого мира. Часы болеют, письмо подмигивает, книги разговаривают. Вещам приписаны не только человеческие действия, но и социальные роли: среди них появляются труженики, интеллигент и мещанин. Такое перечисление одновременно оживляет интерьер и пародирует привычку классифицировать людей. Обычная комната становится обществом своеобразных существ.

Композиция движется от общего положения к частному случаю. Сначала приводится узнаваемая история пропавшего карандаша, затем подробно описываются поиски пенсне. Повторы отрицательных результатов усиливают ощущение невероятности. Перечисление проверенных мест создаёт комическую убедительность: чем тщательнее разыскивают предмет, тем увереннее рассказчик отвергает простое объяснение.

Особую роль играет знакомый, пытающийся решить загадку логически. План комнаты, метод исключения и вопросы о животных придают эпизоду вид научного расследования. Несоразмерность усилий мелкой бытовой неприятности вызывает смех. Позднейшая ссылка на третье измерение не восстанавливает авторитет рассудка: рассказчик объявляет её бессмыслицей, оставаясь верным собственной фантазии.

Повествование от первого лица делает историю живой и пристрастной. Обращения к читателю заранее учитывают возражения скептика. При этом уверенность героя нельзя автоматически принимать за объективное подтверждение чудесного. Все сведения о путешествии вещи проходят через его воображение. Здесь сохраняется колебание между фантастическим объяснением и игрой сознания.

После находки пенсне получает почти человеческую биографию: усталость, виноватый вид, наказание, трагический конец. Слова о кристальной душе соединяют буквальную хрупкость стекла с нравственной характеристикой. Последнее падение допускает случайность, но рассказчик воображает и сознательный роковой шаг. Его сомнение показывает эмоциональную привязанность, а не устанавливает единственную причину случившегося.

Финал возвращает к исходному вопросу о правах вещей на индивидуальность. За юмором обнаруживается протест против невнимательного, исключительно утилитарного отношения к окружающему. Пенсне важно не своей ценой: с ним прожита часть жизни и прочитаны книги.

Таким образом, рассказ не требует буквальной веры в ожившие предметы. Он предлагает увидеть знакомое заново, допустить непривычную точку зрения и заметить личную историю в повседневной вещи. Ирония направлена одновременно на самоуверенность рационалиста и на увлечённость фантазирующего рассказчика. Эти два взгляда не уничтожают друг друга, а создают смысловую многозначность произведения. Читатель получает возможность одновременно улыбнуться необычному объяснению и почувствовать нежность, с которой человек вспоминает своего повседневного спутника.

Задание 2, вариант II. Н. А. Заболоцкий «Гроза идёт»: пример целостного анализа

В стихотворении Николая Заболоцкого «Гроза идёт» картина природной стихии постепенно превращается в размышление о человеческой стойкости. Гроза показана силой, способной ранить и разрушать, но финал утверждает сохранение любви и творческого стремления даже после тяжёлого удара.

Композиция строится как движение от внешнего мира к внутреннему. Первые строфы представляют наступающую тучу и воспоминания о встречах с грозой. Затем внимание сосредоточено на кедре возле балкона, расколотом молнией. В заключительных строфах лирический герой прямо сопоставляет себя с деревом. Пейзаж становится способом самопознания.

С самого начала туча олицетворена: она хмурится и движется с поднятым фонарём. За этим образом узнаётся молния, однако стихия приобретает черты действующего существа. Повтор глагола движения подчёркивает её неотвратимость. Эпитеты передают одновременно величину, тяжесть и замедленную угрозу. Звуковые образы грома делают картину почти осязаемой.

Повторяющееся начало «Сколько раз» переводит единичное событие в опыт неоднократных испытаний. Природная вспышка названа через образ вольтовой дуги: научное обозначение соединяется с поэтической мощью. Герой не просто наблюдает грозу, а оказывается вовлечён в её действие. Его робкие шаги показывают уязвимость человека перед силой, превосходящей его.

Кедр изображён через столкновение жизни и смерти. Мёртвая корона соседствует с живым сердцем древесины. Рана от огня делает дерево существом, пережившим страдание. Почерневшие иглы осыпаются как звёзды, поэтому разрушение неожиданно сохраняет высокий, космический масштаб. Дерево одновременно повреждено и величественно.

Обращение к дереву создаёт исповедальную интонацию. Сходство судеб названо прямо: и герой стремился в высоту, и его встречали молнии. Эту картину можно понимать как метафору жизненных потрясений и препятствий творчеству. Однако текст не называет конкретных биографических событий, поэтому сводить каждую деталь к одному историческому эпизоду не следует.

Риторический вопрос последней строфы обнаруживает различие между человеком и деревом. Пережив раскол, герой сохраняет внутренний голод, любовь и песни. Этот голод означает не бытовую потребность, а неутолённое стремление жить и создавать. Перекрёстные рифмы и пятистопный хорей придают речи собранность и поступательное движение, поддерживая переход от тревоги к утверждению.

Заглавие оставляет стихию в движении: испытания не объявлены навсегда закончившимися. Поэтому финальная стойкость особенно значительна. Она возникает не из отсутствия страдания, а из способности не исчерпать душу пережитым. Природная гроза становится образом испытующей силы, которой человек отвечает сохранением своего духовного начала. Образ раненого кедра при этом не исчезает: он сохраняет память о цене такой стойкости и не позволяет превратить финал в беззаботный оптимизм.